

— Убирайся вон...

Сунь Цзяюй задрожал, его мышцы напряглись, а лицо побагровело.

— Я не просил о помощи! Вы, шарлатаны, несёте всю эту чушь только для того, чтобы выманить деньги у моего отца!

— Но ваш отец ещё ничего мне не заплатил, — невозмутимо ответил Чэнь Лин. — Так что ваше обвинение в мошенничестве безосновательно.

— Господин Чэнь, мне кажется, вы намеренно провоцируете моего брата, — вмешался Сунь Чжи, заслоняя собой Сунь Цзяюя. — Не думаю, что вы можете ему помочь. Пожалуйста, уходите.

Чэнь Лин, не обращая на него внимания, повернулся к стоявшему рядом Сунь Пэйфэну, чьё лицо омрачила глубокая печаль.

— Господин Сунь, давайте спустимся вниз и поговорим.

— Хорошо... — за десять минут, проведённых в этой комнате, Сунь Пэйфэн, казалось, постарел на десять лет. Воспоминание о безумии сына причиняло ему острую боль.

Выйдя в коридор, Сунь Пэйфэн прикрыл за собой дверь.

— Господин Чэнь, вы сами видели, — устало произнёс он. — Он стал грубым, вспыльчивым, совершенно другим человеком.

Чэнь Лин опустил взгляд, заметив тень, просочившуюся из-под двери.

— Давайте поговорим внизу, — тихо сказал он.

Внизу их уже ждала взволнованная госпожа Сунь. Увидев, что они спускаются, она подбежала к мужу и схватила его за руку.

— Ну что? Что сказал господин Чэнь?

— Он ничего не сказал. Просто предложил спуститься.

— Ситуация с Сунь Цзяюем довольно необычная, — уверенно произнёс Чэнь Лин. — В его теле, скорее всего, живут две души. Это не похоже на обычную одержимость. При одержимости злой дух вселяется в человека без его ведома и насильно захватывает контроль над телом. А в случае с Сунь Цзяюем, похоже, заблудшая душа вселилась в него с его согласия, и теперь они делят одно тело на двоих.

Сердце Сунь Пэйфэна похолодело, голос его задрожал.

— Господин Чэнь, эта заблудшая душа... это может быть мой старший сын?

Третий мастер говорил, что его старший сын не может покинуть дом, потому что привязан к родителям и брату.

Сунь Пэйфэн не хотел думать о старшем сыне плохо.

— Может, он просто хотел таким образом привлечь наше внимание, дать нам знать, что он здесь?

— Это не ваш старший сын, — безжалостно разрушил его надежду Чэнь Лин. Подобрал слова, он медленно продолжил, давая Сунь Пэйфэну время подготовиться. — Если бы это был ваш старший сын, зачем бы ему столько лет спустя причинять боль своему родному брату, чтобы привлечь ваше внимание? Господин Сунь, я думаю, вы отчётливо слышали, о чём я спрашивал Сунь Цзяюя наверху.

— Да, слышал. Вы сказали, что двум душам тесно в одном теле, и ещё... ещё...

— И ещё что?! — не выдержала госпожа Сунь, раздражённая медлительностью мужа.

— Господин Чэнь сказал, что душа нашего Цзяюя просит о помощи, — обняв жену за плечи, ответил Сунь Пэйфэн.

Лицо госпожи Сунь стало пепельно-серым. Она прижала руки к сердцу и, внезапно ослабев, откинулась на спинку дивана.

Сунь Пэйфэн поспешно уложил её, достал из ящика стола пузырёк с нитроглицерином и положил таблетку ей под язык.

Приступ был несильным, и через полчаса госпоже Сунь стало лучше.

Чэнь Лин всё это время молча сидел на диване. Увидев, что на её щеках появился румянец, он тихо сказал:

— Не волнуйтесь, я обязательно изгоню этого духа.

— Господин Чэнь, — с тревогой в голосе спросил Сунь Пэйфэн, — это не повредит моему сыну?

Губы Чэнь Лина дрогнули. Краем глаза он заметил тень, мелькнувшую на лестнице, и, замолчав, посмотрел в ту сторону.

Лестничная площадка между первым и вторым этажами служила разделительной точкой. Лестница, ведущая вниз, была без перил, и всё, что на ней происходило, было как на ладони.

А вот лестница, ведущая вверх, была с массивными деревянными перилами, за которыми легко можно было спрятаться.

— Что такое? — напрягся Сунь Пэйфэн, заметив его реакцию.

— Мне показалось, я видел вашего племянника, — сказал Чэнь Лин, постукивая пальцами по колену. — Чем раньше мы изгоним этого духа, тем меньше будет последствий. Если затянуть...

Что будет, если затянуть, Сунь Пэйфэн прекрасно понимал. Он сжал кулаки, пытаясь подавить страх.

— Что я могу сделать?

— Есть одно небольшое дело, которое я хотел бы вам поручить.

— Говорите, — сказал Сунь Пэйфэн. — Я готов на всё, чтобы спасти сына.

Чэнь Лин достал из бокового кармана рюкзака талисман и протянул его Сунь Пэйфэну, при этом слегка повысив голос:

— Вам нужно просто положить это под подушку вашего сына.

Сунь Пэйфэн осторожно взял талисман обеими руками, боясь его повредить.

— И это всё? Этого хватит, чтобы изгнать духа из тела Цзяюя?

— Когда дух попытается полностью захватить тело, его тёмная энергия возрастет, и талисман автоматически начнёт действовать, — ответил Чэнь Лин.

Сунь Пэйфэн не был до конца уверен, что этот юноша действительно сможет ему помочь, но

другого выхода у него не было. Оставалось только надеяться на удачу.

Чэнь Лин перекинул рюкзак через плечо и встал с дивана.

— Господин Сунь, мне нужно возвращаться в центр. Если что, звоните.

— Я вас провожу, — сказал Сунь Пэйфэн, передавая талисман жене и веля ей надёжно его спрятать.

Сунь Цзяюй в последнее время с ненавистью относился ко всему, что связано с мистикой. Положить талисман под подушку можно было, только когда он уснёт.

На обратном пути Сунь Пэйфэн сам сел за руль. Чэнь Лин, не желая сидеть сзади, устроился на пассажирском сиденье.

Проезжая мимо рекламного щита сафари-парка, молчавший до этого юноша неожиданно предложил пообедать.

Чэнь Лин был голоден после утренней беготни, но еда была не главной целью. Ему нужно было найти тихое место, чтобы поговорить с Сунь Пэйфэном наедине.

Сунь Пэйфэн, поглощённый мыслями о сыне, только сейчас понял, что время обеда давно прошло, и принялся извиняться за свою невнимательность.

Чэнь Лин покачал головой и указал на придорожный ресторанчик.

— Может, здесь?

— Мне всё равно, — Сунь Пэйфэн повернул руль и припарковался у обочины.

Чэнь Лин взялся за ручку двери, но, увидев, что Сунь Пэйфэн тянется к своему телефону, остановил его и, приложив палец к губам, покачал головой, давая понять, чтобы тот оставил телефон в машине.

Сунь Пэйфэн удивился, но вопросов задавать не стал и послушно убрал руку.

Ресторанчик был небольшим, но уютным. Кабинки были отделены друг от друга перегородками, создавая ощущение уединения.

Чэнь Лин выбрал самый дальний столик.

Когда официант принял заказ и ушёл, он спросил:

— Господин Сунь, ваш сын в последнее время не бывал в каких-нибудь местах с плохой энергетикой? Или, может, он приносил домой вещи, принадлежавшие умершим?

Сунь Пэйфэн не ожидал такого вопроса и замер от удивления.

— У Сунь Цзяюя не тяжёлая аура, которая притягивала бы злых духов, — продолжил Чэнь Лин.
— Наоборот, у него сильная положительная энергия, он молод и полон сил. Обычно такие люди практически не сталкиваются с призраками.

Сунь Пэйфэн был умным человеком и тут же всё понял.

— Вы хотите сказать, что ситуация с Цзяюем ненормальная? Что кто-то намеренно навредил нам, научил или надоумил его?

— Это лишь моё предположение, — сказал Чэнь Лин. — Чтобы другая душа могла вселиться в тело вашего сына, есть одно важное условие: Сунь Цзяюй должен был каким-то образом призвать духа и либо согласиться, либо поддаться на уговоры и отдать своё тело.

Сунь Пэйфэн был потрясён этим предположением и долго не мог вымолвить ни слова.

— Конечно, — продолжил Чэнь Лин, — возможно, его никто не подговаривал. Может, он из любопытства сам провёл какой-то ритуал и случайно призвал духа.

Он сделал паузу и добавил:

— Но у любопытства всегда есть источник. Например, кто-то мог ему об этом рассказать, или он сам прочитал что-то на форуме, или просто захотел испытать острые ощущения.

— Цзяюй... он действительно интересовался мистикой, — глубоко вздохнув, начал вспоминать Сунь Пэйфэн. — Когда моя жена была беременна Цзяюем, у неё был сильный токсикоз, она почти ничего не ела. После родов она тоже плохо ела, её постоянно тошнило. Мать получает мало питательных веществ — что уж говорить о ребёнке в утробе. Цзяюй родился весом всего около двух килограммов, маленький, сморщенный, тёмный, как обезьянка.

Вспоминая об этом, он невольно улыбнулся, но тут же помрачнел.

— Цзяюй с самого рождения был очень слабым. Не прошло и полугода, как он трижды попадал в больницу. Два раза — менингит, вызванный обычным вирусом. Ещё раз — простуда, которая переросла в кашель, а через два дня — в бронхит, едва не дошедший до пневмонии.

Оба раза Сунь Цзяюй был в тяжёлом состоянии, и больница даже выдавала уведомление о критическом состоянии.

Чэнь Лин вспомнил юношу, которого видел на кровати. Худощавый, но не слабый. Мышцы на руках были заметны, значит, он занимался спортом. Если так, то физическая форма Сунь Цзяюя должна была быть неплохой.

— Господин Сунь, сейчас Сунь Цзяюй не выглядит болезненным.

— Это потому, что его оберегают высшие силы, — сказал Сунь Пэйфэн. — В моём родном городе есть обычай: если ребёнок с детства часто болеет, его имя можно «отдать» под покровительство божества. Этот обряд называется «гоцзи». Например, если фамилия божества — Чжоу, то моего сына будут звать Чжоушоу. Поэтому у Цзяюя есть второе имя — Сунь Чжоушоу.

Чэнь Лин знал об этом обычае.

Перед обрядом родители должны были пойти в храм, сжечь благовония, а затем положить в сшитый вручную красный мешочек записку с датой рождения ребёнка и повесить его на алтарь. Этот мешочек назывался «гоцзи дай».

Каждый год, в канун старого Нового года, монах из храма приносил в дом ребёнка еду, что считалось новогодним ужином от приёмного божества. Перед уходом монаха родители ребёнка должны были дать ему деньги на благовония, завернутые в красную бумагу.

Такой «новогодний ужин» храм присылал только три года.

На третий год монах давал ребёнку имя. Как и сказал Сунь Пэйфэн, в имени должен был присутствовать один иероглиф из фамилии божества.

На следующее утро, в первый день Нового года, семья должна была привести ребёнка в храм для поклонения. Вставляя благовония в курильницу, ребёнок должен был почтительно и искренне назвать божество «приёмным отцом».

Это обращение нужно было использовать до совершеннолетия и вступления в брак. На следующий день после свадьбы приёмный сын должен был лично прийти в храм и забрать с алтаря свой красный мешочек. Этот ритуал назывался «ба дай».

Считалось, что в течение всего этого времени ребёнок будет находиться под защитой божества и его здоровье постепенно укрепится.

Сунь Пэйфэн не просто так об этом заговорил.

— Сунь Цзяюй тоже прошёл через этот обряд? — спросил Чэнь Лин.

— Вы знаете об этом обычае? — удивился Сунь Пэйфэн. — Он сейчас очень редкий, я думал, о нём знают только в моём родном городе.

— Я слышал от наставника. Он говорил, что божества милосердны и не могут смотреть на страдания маленьких детей. Они даруют свою благодать, чтобы помочь детям пережить трудности и избежать ранней смерти.

— Да, божества действительно помогают, — взволнованно сказал Сунь Пэйфэн. — Как только мы повесили первый мешочек, Цзяюй стал поправляться день ото дня, его дух окреп, и он начал набирать вес.

— Значит, вам каждый год приходилось ездить на родину, чтобы в первый день Нового года поклониться приёмному отцу? — спросил Чэнь Лин.

— Нет, — ответил Сунь Пэйфэн. — Мы с отцом и старшим братом уехали из нашей деревни, когда были ещё маленькими. На родине у нас никого не осталось, да и остановиться там негде. Чтобы было удобнее молиться, после первого визита в храм я купил в антикварном магазине старинную статую Будды и принёс её домой.

— Ту самую, что сейчас стоит у вас дома? — спросил Чэнь Лин.

— Да, — ответил Сунь Пэйфэн. — Монах в храме сказал, что так тоже можно, и это даже будет проявлением большей искренности. А ежедневные молитвы и подношения Цзяюй совершает сам.

Чэнь Лин задумался. В этом действительно был смысл.

Божества и предки вездесущи. Они живут в сердцах верующих, в каждом видимом и невидимом уголке мира, помогая людям преодолевать трудности и избавляться от кармических препятствий.

Так какая разница, молиться в храме или у себя дома?

— Господин Сунь, Сунь Цзяюй из-за этого поверил в существование призраков и богов?

— Да. Сказать, что он почтителен к Будде, было бы не совсем верно. Он часто разговаривает со статуей, как с другом. Но при этом перед каждой молитвой он принимает душ, моет руки и лично выбирает самые свежие фрукты для подношения, — с улыбкой покачал головой Сунь Пэйфэн. — Иногда мне кажется, что он и впрямь относится к Будде как к старшему родственнику.

— Но когда мы были наверху, он никак не отреагировал на слова Сунь Чжи.

— Ну... — Сунь Пэйфэн запнулся. — С тех пор как он заболел, он больше не подходит к алтарю и старается обходить его стороной.

— Нечисть инстинктивно боится божеств, особенно та, что вынашивает злые замыслы. Естественно, она не осмелится приблизиться к алтарю, — Чэнь Лин тихо цыкнул. — Раз ваш сын верит в существование призраков и богов, то вполне возможно, что кто-то мог воспользоваться этим и склонить его к призыву злого духа.

Официант принёс еду. Чэнь Лин помог ему расставить тарелки и, когда тот ушёл, продолжил:

— У всех есть любопытство. А Сунь Цзяюй, зная, что его оберегают высшие силы, мог быть смелее обычного и не бояться всякой мелкой нечисти. Господин Сунь, попробуйте вспомнить, не было ли в его поведении чего-то подозрительного перед тем, как он заболел.

Сунь Пэйфэн не ответил сразу, а вместо этого задал свой вопрос:

— Господин Чэнь, я осмелюсь спросить: в том, что Цзяюй одержим, вы, кажется, больше склоняетесь к версии, что его кто-то намеренно подтолкнул к этому.

Он несколько раз упоминал об этом, явно пытаясь направить его мысли в эту сторону.

— У меня действительно есть такие подозрения, — признался Чэнь Лин.

— Поэтому вы попросили меня не брать телефон и специально выбрали этот столик — чтобы нас не подслушали через телефон или автомобильную громкую связь? — Тот, кто мог иметь доступ к его телефону и машине, кроме водителя, был только членом семьи.

Жена любит сына, её можно исключить. Водитель работает на него почти восемь лет, конфликта интересов нет, его тоже можно исключить.

— Господин Чэнь, вы подозреваете моего племянника? — спросил Сунь Пэйфэн.

Слово «племянник» прозвучало не просто как констатация родства, оно несло в себе груз десятилетней привязанности.

А этот человек говорит ему, что вся эта искренняя дружба — обман, прикрытое для того, чтобы навредить его сыну!

Сунь Пэйфэн был в ярости. Он решил, что всё, что говорил и делал Чэнь Лин, было

притворством, что у него нет никаких способностей, что его обманули, обманули его жену и даже его друга, дядю Линя!

Он оперся руками о стол и встал.

— Господин Чэнь, я думаю, вы не подходите для этого дела. Спасибо, что потратили на нас своё время.

— Господин Сунь, — остановил его Чэнь Лин, — когда мы выходили из комнаты и стояли в коридоре, из-под двери промелькнула тень. Конечно, возможно, это не ваш племянник подслушивал, а просто проходил мимо. Но...

— Я не хочу слушать никаких «но»! — перебил его Сунь Пэйфэн. — Господин Чэнь, вы, наверное, не знаете, но Сунь Чжи всегда считал Цзяюя своим родным братом и всегда заступался за него. Да, он был с вами невежлив, но это не от злого умысла, а оттого, что он против того, чтобы я вместо больницы полагался на мистику.

Он закрыл глаза, пытаясь подавить гнев.

— Кто угодно, только не он!

— Когда мы спустились и сидели в гостиной, я сказал, что, кажется, видел Сунь Чжи, — быстро проговорил Чэнь Лин, боясь, что тот уйдёт. — И я уверен, что не ошибся. Он действительно был на лестничной площадке.

Сунь Пэйфэн помнил об этом, но это ничего не доказывало.

— Может, он просто хотел спуститься за чем-то, увидел, что мы разговариваем, и решил не мешать.

Чэнь Лин понял, что тот не может принять мысль о том, что его многолетняя привязанность оказалась ложью, и перестал настаивать, чтобы не вызывать ещё большего раздражения.

— Возможно, — уступил он. — Я понимаю, что мои слова прозвучали неприятно, но я всё же надеюсь, что вы положите талисман, который я вам дал, под подушку Сунь Цзяюя.

— Я понял, — юноша вёл себя тактично, и Сунь Пэйфэн не мог на него злиться. Бросив небрежно эту фразу, он с холодным лицом вышел из-за стола.

Он быстро покинул ресторан. Яркий солнечный свет, отразившись от лобового стекла, ослепил его. Перед глазами поплыли чёрно-зелёные пятна.

Сунь Пэйфэн постоял, зажмурившись, затем открыл дверь машины и сел за руль. Взглянув на приборную панель, он увидел свой чёрный телефон.

Телефон был раскалён от солнца. Когда он взял его, металл обжёг кончики пальцев, но по спине пробежал холодок.

Нельзя было отрицать, что слова юноши произвели на него сильное впечатление.

В его памяти замелькали картины последних лет, проведённых с племянником.

Послушание Сунь Чжи, его умение ладить с людьми, его доброе отношение к жене и забота о сыне... всё это было правдой, не так ли?

Но в голове назойливо звучал другой голос: «А что, если это всё притворство?»

Сунь Пэйфэн с силой ударил по рулю, а затем уронил на него голову.

Резкий гудок прорезал шум оживлённой улицы, но тут же утонул в нём. Чэнь Лин, продолжая есть, покосился в окно и увидел, что Сунь Пэйфэн всё ещё не уехал.

— Господин, вот ваша запеканка в горшочке, — напомнил о себе официант, неся дымящийся горшочек.

Чэнь Лин отложил палочки и помог ему освободить место на столе.

Аромат запеканки был восхитителен, и Чэнь Лин решил отбросить все посторонние мысли и сосредоточиться на еде.

Надо сказать, цены в ресторанах возле сафари-парка были вполне приемлемыми. Четыре блюда и суп на одного обошлись ему всего в двести с лишним юаней.

Чэнь Лин, забрав с собой нетронутые блюда, пешком вернулся в центр разведения. Из-за того, что обеденный перерыв только что закончился, по аллее то и дело проезжали на велосипедах сотрудники центра.

Цянь Цин дежурила в обед и, только закончив свои дела, собиралась поужинать, как увидела в дверях своего кабинета человека.

— Только обедаете? Уже поздно, — сказал Чэнь Лин, помахав пакетами. — Всё нетронутое, может, добавьте пару блюд к своему обеду?

За одного человека заказывать четыре блюда было слишком расточительно. Чтобы соответствовать ценностям социализма, Чэнь Лин съел только полную тарелку запеканки, а остальные блюда не тронул.

Цянь Цин была голодна как волк и, вспомнив, как её изводил сине-жёлтый ара, решила не церемониться. Она взяла один из пакетов, открыла крышку и положила себе в тарелку несколько кусков мяса.

Чэнь Лин поставил остальные пакеты рядом и сел на стул напротив неё.

Взглянув на её нагрудный знак, он обратился к ней:

— Начальник Цянь.

— На значке ошибка, не хватает приставки «заместитель». К тому же, меня только что повысили, — сказала Цянь Цин. — Когда днём пришлют новые значки, я поменяю. Так что не надо меня так называть.

Хотя она и говорила так, на самом деле ей было обидно.

В центре было немало тех, кто устроился по знакомству, но она продвинулась по службе быстрее всех. Многие за спиной шептались, что она получила должность нечестно.

Вчера, когда ей выдали значок, сотрудница отдела кадров съязвила, что неважно, есть приставка «заместитель» или нет, всё равно скоро станет начальником, ведь это зависит только от слова директора центра.

Цянь Цин была в ярости и едва не подралась с ней. Ей было обидно и горько.

Да, она устроилась по знакомству, но у неё были и способности, и образование, и несколько опубликованных в авторитетных журналах научных статей о разведении птиц.

Она не хвасталась, но её квалификация была выше, чем у многих её коллег-исследователей того же уровня. Она работала усердно, никогда не ленилась.

Именно поэтому её и повысили. Да, она воспользовалась связями, чтобы попасть в центр, но повышение заслужила своим трудом.

— Когда ешь, нельзя злиться, а то икота начнётся, — заметил Чэнь Лин, видя, как она надула щёки, словно рыба-фугу.

Цянь Цин бросила на него сердитый взгляд, сдула щёки и, мгновенно вернув себе прежнее милое выражение лица, принялась ковырять рис.

— Так скоро вернулся. Переживаешь за попугая?

<http://bllate.org/book/13702/1588359>